

УДК 821.161.1

О. В. Богданова

<https://orcid.org/0000-0001-6007-7657>

С. М. Некрасов

<https://orcid.org/0000-0003-3606-1262>

**Мотив «сухой беды» и народная ментальность в поэме Н. А. Некрасова
«Кому на Руси жить хорошо»**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00272
«Н. А. Некрасов: pro et contra. Личность, деятельность, творческое наследие Некрасова
в оценках отечественных мыслителей и исследователей»*

Для цитирования: Богданова О. В., Некрасов С. М. Мотив «сухой беды» и народная ментальность в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 26–33. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-26-33

Целью настоящей работы является попытка осмыслить хрестоматийный текст Н. А. Некрасова с новых, современных позиций и задуматься над вопросом: отвечает ли поэма – «эпос народной жизни» – эпической направленности, отмеченной критикой, и в какой мере в заключительной главе поэт приближается к решению вопроса, вынесенного в титульную позицию. Авторами работы сопоставляются «канонический» текст главы «Пир на весь мир» с черновыми заметками, вариантами, постраничными правками, что позволяет проследить, как менялась точка зрения Некрасова на события и характер центрального героя одного из важных эпизодов главы – Якова – и каким тенденциям следовал поэт в создании изображаемой ситуации. В работе показано, что традиционно воспринимаемая как вершинная сцена заключительной главы поэмы история Якова верного в художественной реальности поэмы противостоит традиционным канонам «крестьянского эпоса». В статье продемонстрировано, что в противовес устойчивой христианской (православной) традиции Некрасов изображает самоубийство героя как акт высокого отщепенства, благословленного Богом, тогда как подобное поведение не может быть признано органичным и приемлемым для ментальности русского народа. Проведенный в статье анализ демонстрирует окказиональный характер многих изображенных писателем обстоятельств, непоследовательность и алогизм разрабатываемых Некрасовым характеров и поведения героев, нарушение структурно-композиционной стройности поэмы. Суммарность тенденциозных факторов, сопровождающих текст поэмы, неустойчивость и вариативность авторских подходов позволяют авторам статьи обозначить и констатировать процесс снижения объективности и эпического потенциала произведения, предложить новые стратегии в осмыслении поэмы и определения ее места в ряду классических произведений русской литературы.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов, «Пир на весь мир», мотив «сухой беды», народная ментальность, объективность, эпичность.

O. V. Bogdanova, S. M. Nekrasov

**The motif of «dry misfortune» and people's mentality in N. A. Nekrasov's poem
«Who is Happy in Russia?»**

The article seeks to interpret N. A. Nekrasov's text from a new, modern perspective and to consider whether the poem, an «epic of people's life», meets the criteria of an epic work noted by critics, and to what extent the poet answers the question from the title in the final chapter of his work. The authors compare the «canonical» text of the chapter «The Feast for the Whole World» with the draft notes, variants, and page-by-page corrections, which makes it possible to see how Nekrasov's point of view on the events and the main character, Yakov, changed in one of the important episodes, and what tendencies the poet followed in creating the situation depicted. The article shows that the story of Yakov the Faithful, traditionally perceived as the apex scene of the final chapter, contrasts with the conventional canons of the «peasant epic» in the artistic reality of the poem. The article demonstrates that, in contrast to the stable Christian (Orthodox) tradition, Nekrasov portrays the character's suicide as an act of high vengeance, blessed by God, whereas such behavior cannot be recognized as natural and acceptable to the Russian mentality. The analysis carried out in the article demonstrates the occasional nature of many of the circumstances depicted by the writer, the inconsistency and

alogism of Nekrasov's characters and their behavior, the violation of the structural and compositional order of the poem. A number of tendentious factors in the text of the poem, the instability and variability of the writer's approaches help the authors of the article identify and establish the process of reducing the objectivity and epic potential of the work, and propose new strategies for understanding the poem and finding its place among the classical works of Russian literature.

Keywords: N. A. Nekrasov, «Feast for the Whole World», motif of «dry misfortune», people's mentality, objectivity, epic.

Постановка проблемы и ее актуальность

Творчество Н. А. Некрасова получило обширное освещение в критике и литературоведении, породив сотни трудов некрасоведов – как отечественных, так и зарубежных, среди которых такие известные исследователи-классики, как Б. Я. Бухштаб [Бухштаб, 1989], В. Е. Евгеньев-Максимов [Евгеньева-Максимов, 1953], В. А. Кошелев [Кошелев, 1999; Кошелев, 1993], Б. В. Мельгунов [Мельгунов, 1989], Н. Н. Пайков [Пайков, 2000], Ф. Я. Прийма [Прийма, 1987], Н. Н. Скатов [Скатов, 1994; Скатов, 1986; Скатов, 1985], Н. Л. Степанов [Степанов, 1962], А. Ф. Тарасов [Тарасов, 1989], С. Gatto [Gatto, 1975] и др. Но сегодня, когда традиционное представление о творчестве и личности Н. А. Некрасова все чаще оказывается под прицелом критики, собственные позиции в некрасоведении начинают отстаивать и современные ученые, подходящие к поэзии классика с новых позиций, открывающие иные ракурсы в его лиро-эпическом наследии, – Р. Ю. Данилевский [Данилевский, 2006], М. С. Макеев [Макеев, 2017], С. Смирнов [Смирнов, 2009], А. Luisier [Luisier, 2005] и др. В этом плане поэма «Кому на Руси жить хорошо» (1863–1877), как в целом, так и в своих частях, все чаще становится в современном литературоведении тем текстом, который актуализирует важные и спорные вопросы о характере эволюционирования и доминантных тенденциях русской литературы середины XIX века и непосредственно поэзии Некрасова. В частности и глава «Пир на весь мир» (1877) провоцирует к постановке сущностно конститутивных вопросов, среди которых особенно важны следующие: каковы фольклорные и литературные истоки истории о верном холопе Якове, в какой мере семантическое ядро главы отвечает особенностям русской ментальности, насколько прочно и органично связан эпизод самоубийства героя с этической (и, как следствие, эпической) традицией православного христианина-крестьянина.

Методологические направления исследования

Основными методами, используемыми в процессе предпринятого исследования, избраны историко-литературный, сравнительно-типологический, поэтологический и интертексту-

альный – в их единстве и дополнительности. Комплексный подход, предложенный в статье, позволяет приоткрыть новые грани традиционно (и поэтому нередко односторонне) воспринимаемого текста Некрасова.

Исследовательская часть

Что касается «заключительной» (последней по времени создания) главы «Пир на весь мир», то, как известно, в ее основе лежит изображение сцены посиделок-гулянья мужиков-вахлаков, радующихся смерти помещика-последыша и надеющихся на передачу им «поемных земель», обещанных наследниками вельможного князя. Именно ситуация пира на весь мир и позволяет художнику ввести в текст поэмы узловые эпизоды-фрагменты, внести те важные концептуальные сцены, которые помогают (должны помочь) поэту ответить на главный (титульный) вопрос всего произведения.

Разыгранный в предшествующей «Пиру...» главе «Последыш» спектакль теперь мутирует в крестьянский «пир» вокруг ведра (ведер) водки («Пей, вахлачки, погуливай!») [Некрасов, 1982, с. 188]: «У каждого в груди / Играло чувство новое, / Как будто выносила их / Могучая волна / Со дна бездонной пропасти / На свет, где *нескончаемый* / Им уготован *пир*!» [Некрасов, 1982, с. 191].

Свободные вахлаки, рассчитывающие получить пойменные луга, словно бы претендуют на звание искомым счастливым, давно разыскиваемых странниками-крестьянами, однако повествователем этот мотив (уже) оставлен. В главе «Пир...» нарративный план главы трансформирован: вопросно-ответная форма изложения аннигилирована [см. об этом: Богданова, 2020]. Даже актуальный для вахлаков вопрос: «Как им с лугами быть?» [Некрасов, 1982, с. 189] – формулируется, но отступает на второй план, поскольку «Еще ведро поставили, / Галденье непрерывное / И песни начались» [Некрасов, 1982, с. 191].

Некрасов не мудрствует над проблемой выстраивания экспоненты главы, но жизнеподобно (для русского крестьянина) сопровождает процесс «пира» увеселительным пением. Потому в текст главы обильно вводятся песни: вначале в исполнении «молодцов» братьев-семинаристов Саввы и Григория звучит «Веселая», следом – вахлацкая «Бар-

щинная».

Примечательно, что обе песни (вопреки названию «Веселая») актуализируют грустный смысл, повествуют о тяготах и нуждах крестьянина.

«Веселая»: «"Кушай тюрю, Яша! / Молочка-то нет!" – Где ж коровка наша? — / "Увели, мой свет! / Барин для приплоду / Взял ее домой". / Славно жить народу / На Руси святой!» [Некрасов, 1982, с. 192].

«Барщинная»: «Беден, нечесан Калинушка, / Нечем ему щеголять, / Только расписана спинушка, / Да за рубахой не знать» [Некрасов, 1982, с. 193].

Причем, на взгляд поэта, тяготы крестьянской жизни неистоимы, потому «Веселая» не завершается неким финальным куплетом-рефреном, но – неожиданным для поэмы сокращением «и т. д.» [Некрасов, 1982, с. 193], вероятно, должествующим свидетельствовать о бесконечности народных несчастий (или о незавершенности выписанной Некрасовым песни).

Любопытно (и парадоксально), что радость свободных героев-вахлаков сопровождается песнями грустными, «протяжными, печальными» [Некрасов, 1982, с. 193], чему лирический голос автора дает пояснение: «Иных покмест нет» [Некрасов, 1982, с. 193]: «Не диво ли? Широкая / Сторонка Русь крещеная, / Народу в ней тьма тем, / А ни в одной-то душеньке / Спокон веков до нашего / Не загорелась песенка / Веселая и ясная, / Как ведреной денек. / Не дивно ли? не страшно ли?» [Некрасов, 1982, с. 193].

Можно предположить, что «перепевческий» талант Некрасова [см. об этом подробнее: Богданова, 2020; Богданова, Некрасов, 2020] в данном случае питался рассказом И. С. Тургенева «Певцы» из «Записок охотника» (1846–1874).

Некогда в своих «Воспоминаниях» Н. А. Островская со слов Тургенева воспроизвела эпизод о том, как была написана некрасовская «Саша». Тургенев: «Когда я написал Рудина, я еще г-на Некрасова не узнал, и мы были с ним приятелями. Говорит он мне однажды: – "Послушай, ты не будешь в претензии? Мне хочется твоего Рудина заковать в стихи, чтобы он более врезывался в память!" – Я отвечаю: – "Ты знаешь, что я до твоих стихов не охотник, но в претензии не буду: пиши, что хочешь". – Он написал "Сашу" и, по своему обыкновению, обмелел тип» [Тургеневский сборник, 1915, с. 96].

Подобным образом и теперь в главе «Пир...» Некрасов отталкивается от тургеневского наблюдения (контурированного в «Певцах») и «обмеля-

ет» его. У Некрасова не соседствуют песни рядчика и Яшки-турка, они не репрезентируют разные грани и свойства национального характера, но в текст вносится генерализирующая для поэта социальная коннотация: сейчас песен «иных покмест нет», но вскоре: «О время, время новое! / Ты тоже в песне скажешься, / Но как?.. Душа народная, / Воссмейся ж наконец!...» [Некрасов, 1982, с. 193].

Социальная тенденция Некрасова усугубляется слабостью стиха (оказиональное *воссмейся* вместо традиционного *возрадуйся*), горестное содержание песен отвлекает от алогизма складывающейся ситуации: расположившиеся счастливо отпраздновать обретение пойменных лугов вахлаки странным образом радость подменяют грустью (хотя об обмане наследников они еще – фабульно, но не сюжетно – не знают).

Случайность доминирует в тексте главы-пира: песня не следует за песней, но перебивается вставками-сказами («чудными сказами» [Некрасов, 1982, с. 195]). И первым и важнейшим среди них оказывается рассказ «выездного» дворового человека Викентия Александровича «Про холопа примерного – Якова верного».

Напомним, что вслед за К. И. Чуковским [Чуковский, 2012] современные исследователи (например, В. А. Кошелев [Кошелев, 1999]) повторяют мысль о противопоставленности в тексте поэмы образов мужиков-тружеников (в данном случае вахлаков) и дворовых людей. Подтверждением тому (как будто бы) служит и текст поэмы: если «Веселая», по словам повествователя, певалась «попами и дворовыми», а «вахлак ее не пел» [Некрасов, 1982, с. 192], то «Барщинная» – собственно вахлацкая песня, т. е. крестьянская. Объяснить, почему попы и дворовые оказались в данном случае в неожиданном соседстве, не представляется возможным (можно только предположить: в результате ироничного отношения к ним крестьян), но в главе снова, в очередной раз, формируется и обнажается алогизм: в «Пире...» самую «яркую картину» доносит до крестьян-слушателей именно взрощенный на сорочьих яйцах («такая память знатная» [Некрасов, 1982, с. 196]) *дворовый человек* (причем вопреки традиции – народной и некрасовской – названный по имени и отчеству) Викентий Александрович.

Как принято считать, в основу рассказа дворового «Про холопа примерного – Якова верного» была положена история, услышанная Некрасовым от А. Ф. Кони (в свою очередь переданная Кони неким сторожем волостного правления Николаем Васильевичем) [Кони, 1968]. В воспоминаниях о

Некрасове А. Ф. Кони воспроизводит разговор с поэтом:

«На мой вопрос, отчего он <Некрасов> не продолжает „Кому на Руси жить хорошо”, он ответил мне, что по плану своего произведения дошел до того места, где хотел бы поместить наиболее яркие картины из времен крепостного права, но что ему нужен фактический материал, который собирать некогда и трудно, так как у нас даже недавним прошлым никто не интересуется» [Кони, 1968, с. 260–261].

Кони с готовностью передает поэту рассказ старого сторожа:

«...старик рассказал мне с большими подробностями историю <...> местного помещика, который зверски обращался со своими крепостными, находя усердного исполнителя своих велений в своем любимом кучере – человеке жестоком и беспощадном. У помещика, ведшего весьма разгульную жизнь, отнялись ноги, и силач-кучер на руках вносил его в коляску и вынимал из нее. У сельского Малюты Скуратова был, однако, сын, на котором отец сосредоточил всю нежность и сострадание, не находимые им в себе для других. Этот сын задумал жениться и пришел с предполагаемой невестой просить разрешения на брак. Но последняя, к несчастью, так приглянулась помещику, что тот согласия не дал. Молодой парень затосковал и однажды, встретив помещика, упал ему в ноги с мольбою, но, увидя его непреклонность, поднялся на ноги с угрозами. Тогда он был сдан не в зачет в солдаты, и никакие просьбы отца о пощаде не помогли. Последний запил, но недели через две снова оказался на своем посту, прощенный барин, который слишком нуждался в его непосредственных услугах. Вскоре затем барин поехал куда-то со своим Малютою Скуратовым на козлах. Почти от самого Панькина начинался глубокий и широкий овраг, поросший по краям и на дне густым лесом, между которым вилась заброшенная дорога. На эту дорогу, в овраг, называвшийся Чертово Городище, внезапно свернул кучер, не обративший никакого внимания на возражения и окрики сидевшего в коляске барина. Проехав с полверсты, он остановил лошадей в особенно глухом месте оврага, молча, с угрюмым видом, – как рассказывал в первые минуты после пережитого барин, – отпряг их и отогнал ударом кнута, а затем взял в руки вожжи. Почуввав неминуемую расправу, барин в страхе, смешивая просьбы с обещаниями, стал умолять пощадить ему жизнь. „Нет, – отвечал ему кучер, – не бойся, сударь, я не стану тебя убивать, не возьму такого греха на душу, а только так ты нам солон пришел-

ся, так тяжело с тобой жить стало, что вот я, старый человек, через тебя душу свою погублю... И возле самой коляски на глазах у беспомощного и бесплодно кричащего в ужасе барина он влез на дерево и повесился на вожжах.

Выслушав мой рассказ, Некрасов задумался <...> и когда мы расставались, сказал мне: „Я этим рассказом воспользуюсь”, – а через год прислал мне корректурный лист, на котором было набрано: „О Якове верном – холопе примерном”, прося сообщить, „так ли?”. Я ответил ему, что некоторые маленькие варианты нисколько не изменяют существа дела, и через месяц получил от него отдельный оттиск той части „Кому на Руси жить хорошо”, в которой изображена эта пронская история в потрясающих стихах» [Кони, 1968, с. 263–264].

Нельзя не поверить рассказу Кони, однако можно напомнить и то обстоятельство, что еще в 1840-х годах в «Отечественных записках» публиковался цикл рассказов В. И. Даля «Картины русского быта» и один из рассказов – «Сухая беда» – весьма близок повествованию о Якове [Даль, 1983]. (Однако об этом ниже).

Если же все-таки отталкаться от первоисточника «по Кони» и сопоставить рассказ сторожа и историю Некрасова, то обращают на себя внимание некоторые важные обстоятельства: зависимость от чужого рассказа («воспользуюсь...») и собственно некрасовская поэтическая тенденциозность.

Если о помещике Кони известно только то, что он вел «весьма разгульную жизнь» и «зверски обращался со своими крепостными», то у Некрасова его образ обрастает поэтически жизнеподобными и художественно достоверными деталями и обретает собственно биографические черты («маленькие варианты», по Кони): «Был господин невысокого рода, / Он деревнишку на взятки купил, / Жил в ней безвыездно тридцать три года, / Вольничал, бражничал, горькую пил, / Жадный, скупой, не дружил с дворянами, / Только к сестрице ездил на чаек; / Даже с родными, не только с крестьянами, / Был господин Поливанов жесток [Некрасов, 1982, с. 196].

Герой Некрасова – помещик средней руки, обретает фамилию Поливанов (*греч.* «многохвальный») [Суперанская, 2005, с. 151]). Он жестокий крепостник, суровый не только с крестьянами, но и с родными, даже с собственной дочерью: «Дочь повенчав, муженька благоверного / Высек – обоих прогнал нагишом» [Некрасов, 1982, с. 196].

В герое проступают черты гоголевского Плюшкина. Он скуп и жаден. Не дружит с соседями.

Пьяница – «бражничал», «горькую пил». Взятчик – на взятки «деревнишку» купил.

Примечательно, что герой-помещик жил в своей деревеньке «безвыездно тридцать три года» и к старости обезножил: «Стали у барина ножки хиреть, / Ездил лечиться, да ноги не ожили...» [Некрасов, 1982, с. 196].

Некрасов, ориентированный на устное народное поэтическое творчество и знакомый с фольклорными формулами, упускает из виду (!?), что обезноженным героем, тридцать три года пролежавшим на печи, в русском сознании неизменно предстает Илья Муромец. «Балладный» сюжет неожиданно переключается на «былинный» [см. об этом: Яшина, 2016], невольно возникает образ древнерусского богатыря-воина.

Однако «совпадение» у Некрасова скорее всего случайное, семантической значимости в себе не несет, если только не предположить, что Некрасов выступал с опровержением и отторжением формулы славянофилов середины XIX века, убежденно проводящих параллель между героем-богатырем Ильей Муромцем и русским (пассивным, «спящим» до поры) народом. Об этом, например, писал К. С. Аксаков: «Как он спокоен, как медлит он идти на бой, как долготерпелив, и только в крайнем случае, когда лопнуло наконец его терпение и вооружается он всею грозною своею силой, – как он непобедимо могуч и велик. В этом образе любимого русского богатыря как не узнать образа самого русского народа» [Аксаков, 1995, с. 271].

Между тем напомним, что «славянофильская» интенция образа Ильи Муромца присутствует в тексте поэмы Некрасова: как в окончательном его варианте, так и черновиках. Например: «Народ с Ил<ьею> Мур<омцем> / Сравнил почтенный муж» [Некрасов, 1982, с. 520]. То есть об этом сравнении Некрасов определенно помнит. И на этом фоне особенно странными в портретировании помещика Поливанова выглядят детали «тридцать три года» и «обезноживание». Они уводят повествование в сторону, заставляя задаваться вопросами, почему и с какой целью злодей помещик Поливанов «сопоставляется» Некрасовым с Ильей Муромцем. И сопоставляется ли (?).

Но как бы то ни было, безымянный кучер-силач из рассказа сторожа – иронично названный А. Ф. Кони «Малюта Скуратов» – у Некрасова получает имя Яков. Значение имени – буквально «следующий по пятам» (*ивр.*) [Суперанская, 2005, с. 247] – не противоречит роли литературного персонажа, во всем следующего за своим барином и потакающего его прихотям: «Яков при барине:

другом и братом / Верного Якова барин зовет. / Зимой и лето вдвоем коротали, / В карточки больше играли они, / Скуку рассеять к сестрице езжали / Верст за двенадцать в хорошие дни. / Вынесет сам его Яков, уложит, / Сам на долгуше свезет до сестры, / Сам до старушки добратся поможет. / Так они жили ладком...» [Некрасов, 1982, с. 197].

Примечательно, что безымянный сын кучера у Некрасова перевоплощается в племянника Якова – по имени Григорий (Гриша), и даже невеста Гриши обретает имя – Аринушка. Посредством антропонима Некрасов (словно бы) персонализирует безымянные (почти внесценические) типы, тем самым придавая их образам коннотации жизненности, реальности, достоверности, превращая (намереваясь превратить) околофольклорный тип в литературную индивидуальность.

Но несмотря на это в психологическом плане пересказ-переложение Некрасова проигрывает незатейливой истории сторожа. Если в первообразном рассказе решение кучера повеситься на глазах жестокого барина сопровождается спокойствием персонажа и его эмоциональным равновесием (достигнутым равнодушием), проявляющимся в характере поведения, становясь знаком окончательной и неколебимой решимости обиженного отомстить обидчику, то «неустойчивого» героя Некрасова «мутит» нечистый: «Вожжи у Якова дрожмя дрожат, / Крестится: „Чур меня, сила нечистая!“ / Шепчет: „Рассыпья!“ (мутил его враг)...» [Некрасов, 1982, с. 198].

Некрасов вырисовывает образ героя смущенного, растерянного, не уверенного в принятом решении («Мечется Яков на козлах» [Некрасов, 1982, с. 535]), его одолевают сомнения и нерешительность («Чур, меня...»).

Последний диалог, который звучит в рассказе Кони, проще и богаче в подтексте, трагичнее, чем у Некрасова. Герой истории сторожа спокоен, немногословен, тих: «Нет, – отвечал ему кучер, – не бойся, сударь, я не стану тебя убивать, не возьму такого греха на душу...» Тогда как герой Некрасова зол и груб, почти истеричен, он бледен и дрожит: «Верного Яшу, *дрожащего, бледного*, / Начал помещик тогда умолять. / Выслушал Яков посулы – и *грубо*, / *Зло засмеялся*: “Нашел душегуба! / Стану я руки убийством марать, / Нет, не тебе умирать!”» [Некрасов, 1982, с. 198].

Весь синтаксический строй некрасовского повествования наполнен резкими рубленными фразами, повторными отрицаниями, сопровождается восклицательными интонациями. Смех героя (в противоположность тихой речи героя из рассказа

сторожа) привносит в сцену некое бесовское начало. Речевой оборот «руки убийством марасть» звучит много грубее и прямолинейнее, чем в мужицком рассказе – «через тебя душу свою погублю...» Смерть героя поэмы, несомненно, вызывает сочувствие, но злость, грубость, смех, сопровождающие эпизод самоубийства, упрощают и примитивизируют его, снижают трагический накал ситуации.

Отступление от фольклорных маркеров дополняет процесс опрошения сцены: труппа, в которую сворачивает Яков, – *направо* («Направо труппа лесистая...»), тогда как народное мировосприятие должно было продиктовать свернуть *налево* (тем более что и овраг, куда направляется Яков, зовется Чертовым). По Чертову оврагу, которым едет Яков и где «собирается сила нечистая» [Некрасов, 1982, с. 535], как ни парадоксально, «бегут <...> *веишние* воды» [Некрасов, 1982, с. 198], чей обновляюще-весенний образ размывает (растущевывает) ноты тревоги и напряженного трагизма локуса. Или вариант в черновиках: «Ключ *говорливо* бежит по оврагу...» [Некрасов, 1982, с. 535]. Отвлекающе чужеродным выглядит и сравнение горящих волчьих глаз «с чугушкой» («Словно чугушка подходит – горят / Чьи-то два круглые, яркие ока...» [Некрасов, 1982, с. 199]).

Однако наиболее сомнителен (спорен) сам акт повешения Якова на глазах обидчика-помещика Поливанова. Способ отмщения, к которому прибегает герой Некрасова, с одной стороны, известен народным представлениям, но с другой – не характерен для русского народа, он распространен преимущественно среди восточных народностей и языческих верований (чуваша, удмурты, мордва и др.). Повеситься на глазах обидчика в сознании этих народов означает призвать на того неминуемое несчастье – такая месть называется «сухой бедой». «„Тащить сухую беду“ – это значит, что назло своему заклятому врагу нужно повеситься у него во владении, чтобы заставить его мучиться всю жизнь» [Телешов, 1983, с. 112].

Как уже было замечено выше, рассказ под таким названием – «Сухая беда» – был написан В. И. Далем еще в 1848 году и впервые был опубликован в некрасовских «Отечественных записках» (1848. Т. 56. № 2). Не помнить этого рассказа Некрасов не мог (тем более что в 1861 году рассказ вошел в собрание сочинений В. И. Даля). Однако у Даля повествование ведется о «чувашской деревне», где рассказчику-свидетелю «приходилось ночевать» и слышать рассказ о традиции «сухой беды». Некрасов же для «яркости картины» ино(на)родный обычай «русифицирует»: его герой-

самоубийца (в отличие от чувашей или мордвы) сознает *греховность* своего поступка (речь заходит о гибели души), одновременно и обидчик у Некрасова достигает уровня осознания собственной вины («Грешен я, грешен! <...>» – не перестает повторять барин, наутро найденный в лесу охотником [Некрасов, 1982, с. 199]).

В результате в поэме вновь формируется семантическая антитеза: грех самоубийства, осененный крестом («крестится», «перекрестился» [Некрасов, 1982, с. 198]), признается допустимым и (почти) благословленным («Будешь помнить <...> до судного дня»; «Экие страсти Господни...» [Некрасов, 1982, с. 199]). Другими словами – Некрасов пересекает границы языческой традиции, но и не замыкается в пределах традиции христианской, они у него смыкаются и диффундируют. Впрочем, надо признать, что для русской ментальности спаянность христианской и языческой традиций не нова.

Не менее бросок и еще один смысловой сдвиг. Если, по словам повествователя, «Люди холопского звания – / Сущие псы иногда: / Чем тяжелей наказания, / Тем им милей господа...» [Некрасов, 1982, с. 196], и высказанное суждение напрямую соотносится с личностью холопа Якова: «Яков таким объявился из младости, / Только и было у Якова радости: / Барина холить, беречь, ублажать...» [Некрасов, 1982, с. 196], то в противовес приведенному суждению (в противовес собственным наблюдениям Некрасова) верного слугу «не умилили» обиды барина, а вызвали ненависть и желание отмщения племянника, мщения за племянника.

Между тем предпринятый мотив-трансформация – превращение «кучерского» сына в «холопского» племянника – в известной мере ослабляет драматическую интригу: «бессемейность» Якова как будто бы усиливает (драматизирует) мотив преданности и верности примерного слуги господину, но заступничество не за сына, а за племянника ослабляет нарративную убедительность. Посредством «маленького варианта», предпринятого Некрасовым, драматизм семейной связи (отец – сын) снижается и облегчается (дядя – племянник): в «народной книге» пара «отец – сын» была бы более убедительна и семантически значима, более традиционна. Причем трансформация осуществлена явно в слабую сторону и не располагает некой серьезной «отеческой» мотивацией.

Еще более примечательно, что героем «чудесного сказа» становится холоп (те самые «люди холопского звания»), который противопоставлен вахлаку-крестьянину, по Некрасову, носителю

подлинно народной точки зрения, психологии и морали. Слушатели-вахлаки по окончании истории жалеют холопа: «Жаль Якова...» [Некрасов, 1982, с. 199], то есть намеченное (и акцентированное в тексте) противопоставление крестьянина-труженика дворовому человеку (актуализированное даже на уровне песен) растушевывается, ослабляется, сдвигается в позицию нерелевантности. Один понятийный вектор гасится другим (автор словно бы сам себе противоречит).

Выводы и перспективы исследования

Таким образом, можно подвести некоторые итоги и утверждать, что с «чужого голоса» написанная история «Про холопа примерного – Якова верного» при ближайшем рассмотрении оказывается полна противоречий, несостыковок, алогизмов. Столь существенная как для Некрасова, так и для всей его поэмы история верного холопа Якова (при всем трагизме воспроизводимой ситуации) в итоге, как видно, сильно «пострадала» от переделок Некрасова и оказалась в малой степени связанной с проблемой русского национального характера и его ментальности, с характером крестьянина-христианина, с ориентацией на русский фольклор и на его этико-эстетические (эпические) константы. Яркая сама по себе, история Якова выбивается из контекста всей поэмы, дискредитируя доминантные нарративные сентенции, деформируя суждения автора-создателя, проводимые в тексте поэмы «Кому на Руси жить хорошо» (особенно в первой части) и констатирующие ее главные смысловые слагаемые. Усилие принципа объективизма при анализе главы «Пир на весь мир» поможет открыть новые исследовательские ракурсы в осмыслении всей поэмы Некрасова, точнее определить ее связь с отечественной традицией и, как следствие, ее действительное место в истории русской литературы. В канун юбилея писателя эта перспектива особенно актуальна.

Библиографический список

1. Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. Москва : Искусство, 1995. 525 с.
2. Богданова О. В. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Вып. 109. Санкт-Петербург : Филологический фак-т СПбГУ, 2020. 60 с.
3. Богданова О. В., Некрасов С. М. Тенденциозный дуализм авторского видения (глава «Пир» в контексте поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо») // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль : ЯГПУ, 2020. № 1 (20). С. 19–27.
4. Бухштаб Б. Я. Н. А. Некрасов: проблемы творчества : монография. Ленинград : Советский писатель, 1989. 349 с.
5. Даль В. И. Повести и рассказы / сост. Ю. М. Акутина и А. А. Ильина-Томича; примеч. А. А. Ильина-Томича. Москва : Советская Россия, 1983. 429 с.
6. Данилевский Р. Ю. «Между искусством, коммерцией и революцией» // Русская литература. 2006. № 3. С. 255–257.
7. Евгеньев-Максимов В. Е. Творческий путь Н. А. Некрасова : монография. Москва; Ленинград : Наука, 1953. 282 с.
8. Кони А. Ф. Собр. соч.: [в 8 томах] / под общ. ред. В. Г. Базанова и др. Т. 6. Статьи и воспоминания о русских литераторах / вступ. статья А. Б. Муратова, коммент. А. Д. Алексеева и др. Москва : Юридическая литература, 1968. 695 с.
9. Кошелев В. А. «Кому на Руси жить хорошо»: о великой поэме и вечной проблеме : монография. Новгород Великий : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 1999. 166 с.
10. Кошелев В. А. Некрасов и «джентельменский кодекс» охоты // Карабиха: историко-литературный сборник. Ярославль, 1993. Вып. 2. 355 с.
11. Макеев М. С. Николай Некрасов : монография. Москва : Молодая гвардия, 2017. 464 с.
12. Мельгунов Б. В. Некрасов-журналист. Малоизученные аспекты проблемы : монография. Ленинград : Наука, 1989. 280 с.
13. Некрасов Н. А. Собрание сочинений: [в 15 томах] / ИРЛИ СССР, Пушкинский Дом. Т. 5. «Кому на Руси жить хорошо» / подгот. текстов и комм. О. Б. Алексеева и др.; ред. Ф. Я. Прийма. Ленинград : Наука, ЛО, 1982. 688 с.
14. Пайков Н. Н. Феномен Некрасова : избранные статьи о личности и творчестве поэта. Ярославль : Яросл. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2000. 120 с.
15. Прийма Ф. Я. Некрасов и русская литература : монография. Ленинград : Наука, 1987. 264 с.
16. Скатов Н. Н. Некрасов : монография. Москва : Молодая гвардия, 1994. 411 с.
17. Скатов Н. Н. Некрасов: современники и продолжатели : очерки. Москва : Советская Россия, 1986. 336 с.
18. Скатов Н. Н. «Я лиру посвятил народу своему...»: о творчестве Н. А. Некрасова : монография. Москва : Просвещение, 1985. 174 с.
19. Смирнов С. Монументализация фантомов: некоторые особенности бытования идеологической биографии Н. А. Некрасова // Вопросы литературы. 2009. № 6. С. 77–99.
20. Степанов Н. Л. Н. А. Некрасов : монография. Москва : Гослитиздат, 1962. 261 с.
21. Суперанская А. В. Современный словарь личных имён. Москва : Айрис-пресс, 2005. 465 с.
22. Тарасов А. Ф. Некрасов в Карабихе : монография. Ярославль : Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1989. 224 с.
23. Телешов Н. Д. Сухая беда (1897) // Телешов Н. Д. Рассказы. Повести. Легенды. Москва : Советская Россия, 1983. 336 с.
24. Тургеневский сборник / под ред. Н. К. Пиксанова. Петроград : «Огни», 1915. 114 с.
25. Чуковский К. И. Работа над фольклором // Чуковский К. И. Собр. соч.: [в 15 томах]. Т. 10. Мастерство Некрасова. Статьи 1960–1969 / предисл. и коммент.

Б. Мельгунова и Е. Чуковской. 2-е изд., электр. Москва : Агентство ФТМ, 2012. 736 с. С. 379–590.

26. Яшина А. А. Мотив самоубийства в поэзии Н. А. Некрасова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 11 (65). В 3 ч. Ч. 1. С. 64–71.

27. Citato in E. Lo Gatto. Nikolai Nekrasov // Citato in E. Lo Gatto. Profilo della letteratura russa. Milano: Mondadori, 1975. P. 194–195.

28. Luisier A. Nikolaj Nekrasov: Ein Schriftsteller zwischen Kunst, Kommerz und Revolution. Zürich: Pano Verlag, 2005. 301 s.

Reference List

1. Aksakov K. S. Jestetika i literaturnaja kritika = Aesthetics and literary criticism. Moskva : Iskusstvo, 1995. 525 s.

2. Bogdanova O. V. Pojema N. A. Nekrasova «Komu na Rusi zhit' horosho». Vyp. 109 = N. A. Nekrasov's poem «Who is Happy in Russia?». Issue. 109. Sankt-Peterburg : Filologicheskij fak-t SPbGU, 2020. 60 s.

3. Bogdanova O. V., Nekrasov S. M. Tendencioznyj dualizm avtorskogo videnija (glava «Pop» v kontekste pojemy N. A. Nekrasova «Komu na Rusi zhit' horosho») = The tendentious dualism of the author's vision (the chapter «Priest» in the context of N. A. Nekrasov's poem «Who is Happy in Russia?») // Verhnevolskij filologicheskij vestnik. Jaroslavl' : JaGPU, 2020. № 1 (20). S. 19–27.

4. Buhstjab B. Ja. N. A. Nekrasov: problemy tvorcestva = N. A. Nekrasov: problems of creative work : monografija. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1989. 349 s.

5. Dal' V. I. Povesti i rasskazy = Novellas and short stories / sost. Ju. M. Akutina i A. A. Il'ina-Tomicha; primech. A. A. Il'ina-Tomicha. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1983. 429 s.

6. Danilevskij R. Ju. «Mezhdju iskusstvom, kommercej i revoluciej» = «Between the arts, commerce and revolution» // Russkaja literatura. 2006. № 3. S. 255–257.

7. Evgen'ev-Maksimov V. E. Tvorcheskij put' N. A. Nekrasova = The creative life of N. A. Nekrasov : monografija. Moskva; Leningrad : Nauka, 1953. 282 s.

8. Koni A. F. Sobr. soch.: [v 8 tomah] = Collected Works: [in 8 vols.] / pod obshh. red. V. G. Bazanova i dr. T. 6. Stat'i i vospominanija o russkijh literatorah / vstup. stat'ja A. B. Muratova, komment. A. D. Alekseeva i dr. Moskva : Juridicheskaja literatura, 1968. 695 s.

9. Koshelev V. A. «Komu na Rusi zhit' horosho»: o velikoj pojeme i vechnoj probleme = «Who is Happy in Russia»: about the great poem and the eternal problem : monografija. Novgorod Velikij : NovGU im. Jaroslava Mudrogo, 1999. 166 s.

10. Koshelev V. A. Nekrasov i «dzhentel'menskij kodeks» ohoty = Nekrasov and the «gentleman's code» of hunting // Karabiha: istoriko-literaturnyj sbornik. Jaroslavl', 1993. Vyp. 2. 355 s.

11. Makeev M. S. Nikolaj Nekrasov : = Nikolai Nekrasov : monografija. Moskva : Molodaja gvardija, 2017. 464 s.

12. Mel'gunov B. V. Nekrasov-zhurnalist. Maloizuchennye aspekty problemy = Nekrasov as a journalist. The

insufficiently studied aspects of the problem : monografija. Leningrad : Nauka, 1989. 280 s.

13. Nekrasov N. A. Sobranie sochinenij: [v 15 tomah] = Collected Works: [in 15 volumes] / IRLI SSSR, Pushkinskij Dom. T. 5. «Komu na Rusi zhit' horosho» / podgot. tekstov i komm. O. B. Alekseeva i dr.; red. F. Ja. Prijma. Leningrad : Nauka, LO, 1982. 688 s.

14. Pajkov N. N. Fenomen Nekrasova : izbrannye stat'i o lichnosti i tvorcestve pojeta = The Nekrasov phenomenon : selected articles on the poet's personality and work. Jaroslavl' : Jarosl. gos. ped. un-t im. K. D. Ushinskogo, 2000. 120 s.

15. Prijma F. Ja. Nekrasov i russkaja literatura = Nekrasov and Russian literature : monografija. Leningrad : Nauka, 1987. 264 s.

16. Skatov N. N. Nekrasov = Nekrasov : monografija. Moskva : Molodaja gvardija, 1994. 411 s.

17. Skatov N. N. Nekrasov: sovremenniki i prodolzhateli = Nekrasov: contemporaries and successors : ocherki. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1986. 336 s.

18. Skatov N. N. «Ja liru posvjatil narodu svoemu...»: o tvorcestve N. A. Nekrasova = «I dedicated my poems to my people...»: on the work of N. A. Nekrasov : monografija. Moskva : Prosveshhenie, 1985. 174 s.

19. Smirnov S. Monumentalizacija fantomov: nekotorye osobennosti bytovanija ideologicheskoy biografii N. A. Nekrasova = Monumentalising phantoms: some peculiarities of N. A. Nekrasov's ideological biography // Voprosy literatury. 2009. № 6. S. 77–99.

20. Stepanov N. L. N. A. Nekrasov = N. A. Nekrasov : monografija. Moskva : Goslitizdat, 1962. 261 s.

21. Superanskaja A. V. Sovremennij slovar' lichnyh imjon = Modern Dictionary of Personal Names. Moskva : Ajrispress, 2005. 465 s.

22. Tarasov A. F. Nekrasov v Karabihe = Nekrasov in Karabikha : monografija. Jaroslavl' : Verhne-Volzhs. kn. izdvo, 1989. 224 s.

23. Teleshov N. D. Suhaja beda (1897) = Dry Trouble (1897) // Teleshov N. D. Rasskazy. Povesti. Legendy. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1983. 336 s.

24. Turgenevskij sbornik = The Turgenev collection / pod red. N. K. Piksanova. Petrograd : «Ogni», 1915. 114 s.

25. Chukovskij K. I. Rabota nad fol'klorom = Working on folklore // Chukovskij K. I. Sobr. soch.: [v 15 tomah]. T. 10. Masterstvo Nekrasova. Stat'i 1960–1969 / predisl. i komment. B. Mel'gunova i E. Chukovskoj. 2-e izd., jelekt. Moskva : Agentstvo FTM, 2012. 736 s. S. 379–590.

26. Jashina A. A. Motiv samoubijstva v poezii N. A. Nekrasova = The suicide motif in N. A. Nekrasov's poetry // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2016. № 11 (65). V 3 ch. Ch. 1. S. 64–71.

27. Citato in E. Lo Gatto. Nikolai Nekrasov // Citato in E. Lo Gatto. Profilo della letteratura russa. Milano: Mondadori, 1975. R. 194–195.

28. Luisier A. Nikolaj Nekrasov: Ein Schriftsteller zwischen Kunst, Kommerz und Revolution. Zürich: Pano Verlag, 2005. 301 s.